

**Е.В. Смыков,
А.А. Синицын**

ТАК УЧИТ КАЦ. ДЕЛО, КОТОРОМУ ОН СЛУЖИТ

Владимиру Ивановичу Кацу – восемьдесят. Эту фразу можно произнести с разными интонациями. Можно так: «Кацу - восемьдесят! Целых восемьдесят!». А, кажется, давно ли было пятьдесят, и мы с моей будущей женой шли с большим букетом его поздравлять, но не застали, отдали Зое, которую тогда еще никто не называл Зоей Владимировной, а она, хитро на нас поглядывая, спросила: «А вы не боитесь? С букетом, в такой день! Вас могут неправильно понять!» - «Какой “такой день”?» - «А чей сегодня день рождения?» - «Чей?» - «Гитлера!» Мы были ошарашены. Хотя даже соседство такого душистого персонажа не может испоганить этих дней: 20 апреля - день рождения Владимира Ивановича Каца, 21 апреля – Вечного Города, 22 апреля – Владимира Ильича Ленина, кампания не зазорная!

А потом было шестьдесят, и газета на стене рядом с нашей 16 аудиторией, в дорогой каждому историку старых времен «четверке» на площади Революции. Газета называлась «Дорога, длиной в 60 лет» - и как же старательно мы подбирали и клеили фотографии для этой газеты! А потом семьдесят – и фотографии уже не в стенгазете, а в презентации, в которой можно было увидеть даже такой раритет, как студента Каца на военных сборах, в форме. И вот прошло еще десять лет – и восемьдесят, целых восемьдесят!

А можно произнести ту же фразу и иначе: «Кацу – восемьдесят?! Неужели?! Не верю!» И действительно, хотя, конечно, года свое берут, и ничего с этим не поделаешь, у Владимира Ивановича остается главное – молодой задор в полемике и очень живой, молодой интерес к окружающему. Многие ли могут этим похвастаться?

А можно и так: «Кацу – восемьдесят... Целая эпоха в жизни истфака... Есть, что вспомнить...». Да, вспомнить есть что. Конечно, специалисты, друзья и коллеги, могут многое сказать о научных достижениях В.И. Это – Кац для избранных, потому что в сложных проблемах керамической эпиграфики разбирается в мире, наверное, всего несколько десятков людей, и В.И. занимает среди них почетное место. Сказать хочется о другом. В.И. - это неотъемлемая часть того старого истфака, которого больше не существует, который стал жертвой бесконечных оптимизаций, модернизаций и креативизаций. Тот истфак был совсем другой, собственно, и первые слова В.И., которые запомнились на всю жизнь, были посвящены этому истфаку.

Был 1980 год, со второй попытки я, более старший из авторов, прошел на истфак, правда, на вечернее отделение, деканом которого тогда был В.И. Фамилию «Кац» я к тому времени уже слышал – в военном городке, где я тогда жил, довольно многие учились на заочном

отделении, в электричке все были друг с другом знакомы, и в сессию, конечно, разговоров бывало много. Интереснее всего, что фамилию «Кац» произносили по-разному. Старательные, но туповатые отличницы кривили свои мордуленции, вспоминая слишком высокие, по их мнению, требования, помешавшие им получить «отл.», а некоторых из них вообще отбросившие до «удовл.», и то не с первого раза; а вот мужики-офицеры, многим из которых учеба давалась с трудом, всегда упоминали Каца с большим уважением. Их не пугала его горячность, они понимали, что это – от желания, чтобы они знали предмет, который будут сдавать. И вот – собрание, и я на него позорно опаздываю. Захожу. Вижу В.И., который выступает перед собравшимися, говорит о том, какими организованными им нужно быть. «А некоторые (грозный взгляд в мою сторону!) уже начинают опаздывать!» Но главное в выступлении было не это, главными были слова, которые я бы золотом выбил на фасаде истфака: «Истфаку не нужны люди равнодушные! Ему нужны люди одержимые, может быть даже немного ненормальные!»

Одержимость историей – замечательное качество, и В.И. не раз показывал, как можно даже самые далекие от истории вещи воспринять с точки зрения любимого дела. Фильм «Роковое путешествие» (детектив, снятый по роману Агаты Кристи)? «Хороший фильм. Памятники египетские там хорошо показаны». Или, узнав, что мне не нравится драматургия А.Н. Островского (точнее, не нравилась тогда): «Да ты что! Это же уникальный источник по истории московского купеческого быта!» Это не значит, что В.И. узкий специалист, подобный флюсу (кстати, это известное изречение Козьмы Пруткова он частенько цитировал), нет: достаточно было видеть, как он в экспедиции слушает по своему приемничку (единственному на весь лагерь!) пение Штоколова, или замечательную драму Дм. Кедрина «Рембрант», или то, как он во время похода по горному Крыму заставил группу нагнуться и пройти под очень красивой, ажурной, блестящей каплями росы паутиной, протянутой через дорогу – чтобы не разрушить эту красоту... И все-таки историк во всем. Однажды, в середине 80-х, В.И. подменял на первом курсе приболевшего В.Г. Боруховича. После лекции я спросил у одного из первокурсников, с которым был слегка знаком и который отличался очень критичным складом ума: «Ну и как лекция Каца?» Ответ был: «Это – историк! Борухович – тот сказочник какой-то, а тут – история!» Каждый ищет в истории свое, и сам я, например, слушал В.Г. Боруховича с огромным удовольствием – он, как никто, умел передать аромат античной истории. А вот В.И. умеет передать логику этой истории, а это не менее важно и интересно.

Конечно, иногда сложно понять эту логику на первом курсе. Отсюда – и те «ужастики», которые рассказывали об экзаменах у Каца. Он не может и не мог никогда поставить оценку просто так, т.е. отмахнуться от студента. Сдать Кацу экзамен по «Древнему Востоку» в первую зимнюю сессию – это было своего рода прохождением обряда инициации для всех первокурсников (к сожалению, только студентов-вечерников). В.Г. Миронов, еще один замечательный археолог и Учи-

тель, на первом курсе в своих лекциях по археологии неоднократно в шутку попугивал студентов: «Враг номер один для студентов – Владимир Иванович Кац, а я только враг номер два» (говорил он это с ложной скромностью, сдать ему экзамен и зачет тоже было далеко не простым делом!).

Один из авторов этого очерка (тот, что помладше) на всю жизнь запомнил это свое «боевое крещение», свой первый экзамен, в декабре 1989 г. Сдавали тогда вечерники с 16 часов, и прием экзамена у нашей третьей группы продолжался уже более шести часов сряду. Студенты трепетали за дверью: принимает Кац! Я был старостой группы и пропускал всех вперед по журналу. Зашел около 22 часов в последней пятерке. Выбрал билет и сел готовиться. Второй вопрос мне достался по восстанию Желтых повязок в Китае; первый, кажется, по Египту, но точно не помню. Ответы я подготовил быстро, но дожидаться своей очереди пришлось более полутора часов. И наконец, иду отвечать. Кац слушает недовольно: конкретики мало! Начинаю выкручиваться, сыплю датами. — Сравнений мало. Так продолжается более получаса. Я нервничаю и в итоге получаю «три целых шесть десятых балла». — «У д о в л е т в о р и т е л ь н о!» — растягивает это ужасное слово В.И. Слово звучит для меня как приговор. Но В.И. еще предлагает, дополнительно подготовившись, прийти на пересдачу. Значит снова на «Восток» к Кацу! Ну, уж нет, дудки! «Так придешь, Синицын?» — спрашивает суровый экзаменатор. — «Ставьте!» — отвечаю я, забираю зачетку и выхожу из аудитории. Последние из моих товарищей, оставшиеся в аудитории, потрясены этой сценой. Потрясен и я: ведь это был самый первый экзамен в университете! Первая оценка в моей зачетной книжке! А сколько их еще будет! И начинать с «тройки»! — Это было ужасно. Долго я потом не мог оправиться от этого потрясения. Никогда я в дальнейшем так не готовился к сдаче предмета во все пять лет (десять сессий и госэкзамены) обучения на истфаке. Были «четверки», больше «пятерок». В конце пятого курса мне предложили пересдать мою «тройку» по «Востоку», чтобы «пойти» на красный диплом. Я не стал этого делать. И когда спустя уже много лет спустя, защитив кандидатскую диссертацию по античной истории и работая на историческом факультете, на своей родной кафедре, мы разговорились с Владимиром Ивановичем, он удивился, когда услышал, что на первом экзамене у него я получил «удовлетворительно». Кац сначала рассмеялся. А потом спросил: «Экзамен-то с какого раза сдал?» — «С первого!» — гордо ответил я. — «Вы еще предложили мне подучить и прийти за более высокой оценкой...» И тогда В.И. произнес: «А что, “тройка” — тоже оценка!» Очень кацевская фраза.

К этому стоит добавить, что кацевская «тройка» вполне равнялась по своему качеству «пятерке» у других преподавателей. Стандарты были высокими даже для того времени, не говоря уже о нынешних грустных временах, даже на «заочке», где, по традиции, к студентам относились с большим «пониманием», т.е. меньшими требованиями. При этом оценка была абсолютно объективной. Знаменитая «кацевская система» приемки экзаменов начала складываться в 1985 г.

Именно тогда в университетской лаборатории ТСО появился электронный экзаменатор с программой тестирования по истории СССР до XVIII в., и В.И., всегда живо интересовавшийся подобными новинками, прошел через него – и получил «три», неверно ответив на один вопрос из десяти (забавно, но здесь его подвела логика: Любечский съезд русских князей, созданный по инициативе Владимира Мономаха, он считал относящимся ко времени его великого княжения, хотя на самом деле он произошел раньше, в 1097 г.). Конечно, в массовом порядке вводить такие экзаменаторы никто не собирался – но можно обойтись и без машин, и к зимней сессии система Каца заработала, и студенты сдавали зачет по истории Греции в два этапа: сначала – тест на знание фактического материала («тест для дегенератов», называл его В.И.: вопросы имели варианты ответа), после прохождения – экзаменационные вопросы. Летом, на экзамене по истории Рима, все повторилось, только на сей раз (все-таки не зачет, экзамен!) вопросы были без вариантов ответа. Система эта действовала много лет и была очень эффективной, тем более, что В.И. усовершенствовал ее применительно к вечернему отделению: те, кто не хотел проходить тест по всему материалу разом, могли на протяжении семестра отчитываться за фактический материал по частям. Конечно, с высоты нынешнего до тошноты прагматичного времени кто-нибудь может сказать: «Этого же нет в нагрузке! Это же не оплачивается!» Но разве подобные аргументы существовали когда-нибудь для В.И., если речь шла о его деле!

В.И. не вел занятий по принципу «отговорила роща золотая», он всегда учил, учил страстно и эмоционально, со знаменитыми резкостями, на которые никогда не обижался ни один нормальный человек (жаловаться на «грубость Каца» – это уже диагноз гнилости нутра), со страницами курсовых работ и черновых вариантов дипломов, перечеркнутыми крест накрест, со смачной рецензией в одно-два слова на полях, с неизменным требованием: работа с источниками, с источниками, с источниками... Не все хотели учиться – но кто хотел, те могли взять очень многое.

Но одновременно В.И. и учил учить. Педагогическая практика, которой он много лет руководил в Муммовской средней школе Аткарского района, была в некотором отношении даже важнее археологической практики. Собственно, это значение было видно даже по ее длительности. Это не был жалкий двухнедельный огрызок, нужный непонятно для чего, который существует сейчас. Это было полноценное испытание на профпригодность, длившееся всю первую четверть. Конечно, большая часть проходила практику в городе, но несколько человек ехали с В.И. Каждый должен был вести уроки в одном классе всю четверть, с выставлением итоговой оценки, да к этому еще провести по одному уроку «Основ советского государства и права» в 8 классе и по 2 урока обществоведения в 10-ом. С последним вышел конфуз: мне, старшему из пишущих этот текст, В.И. назначил три урока – и наткнулся на бунт. «Общагу», как ее называли, я презирал от всей души и вести не имел никакого желания. В знак протеста я объявил голодовку и не пошел в столовую на обед, лежал на кровати ли-

цом к стенке. Впрочем, бунт был подавлен легко. «Ну, ты что, так и будешь валяться? А то я хотел на гору сходить, курганы посмотреть...» Ну и какой бунтарь устоял бы против этого? Я сдался. Правда, провел я все-таки два урока, но зато видел, **как** нужно вести урок! В.И. был недоволен уроками моего предшественника и решил провести урок сам, показать нам класс. И показал! Урок касался законов развития общества, В.И. ставил вопрос за вопросом, работал весь класс, даже граждане «камчатки». Это было похоже на фехтовальный поединок. За правильное описание траектории развития общества В.И. обещал «пять» - и поставил-таки ее парню с «камчатки», который первым начертил в воздухе спираль. Блеск! Правда, если бы занесло на урок какого-нибудь занюханного методиста, он унылым голосом сообщил бы, что В.И. так и не дошел до заявленной темы урока, а потому зачета он ему не ставит...

А вообще практика проходила так. Сначала, до дождей, мы работали со своими классами на полях учхоза Муммовский, знакомились с ними. Так что, кода пошли дожди и мы, наконец, вошли в классы, мы неплохо знали ребят. В.И. присутствовал на многих уроках, и нам было сказано, чтобы мы друг у друга присутствовали, хотя бы по одному-два человека. Сам В.И. сидел за задней партой и все время читал какой-нибудь исторический роман, читал внимательно. Но при этом он видел и слышал абсолютно все! Уроки заканчивались, мы шли в столовую (учхозовская столовая - это особая статья, много и вкусно за какие-то 50 коп.), потом В.И. курил, потом собирал нас в одной из комнат. «Так. Чей урок сегодня был первым? Говори - какие цели ставил, что смог сделать, какие ошибки допустил? Кто присутствовал? Ваш анализ?» А после этого, если он присутствовал на уроке, анализ самого В.И., где учитывалась каждая мелочь («Руки за спину! Профессор!!!!»-- такую запись в своем блокноте сделал В.И. в мой адрес. И поиздевался же он тогда над тем, как важно я прохаживался у доски!). Он помогал в любом затруднении, привозил наглядные материалы, альбомы, слайды, археологические находки. Представить только, каково пятиклассникам было потрогать мрамор древнегреческой надписи или зерно, обгоревшее две с лишним тысячи лет назад! Хуже всего досталось моей однокурснице, которая вела уроки в 7 классе. В тот год произошел переход от замечательного, методически выверенного учебника Нечкиной и Левенгруба на тяжеловесный учебник Б.А. Рыбакова. Однокурсница рыдала: «В.И., по этому учебнику работать невозможно!» - «Нет плохих учебников, есть плохие учителя! После обеда будем готовить урок вместе!» Готовили. Часа через полтора В.И. вышел на кухню, долго молча курил, потом произнес: «Ну и учебник!»

В общем, если бы не В.И. и его уроки - думаю, не только мне, но и многим другим было бы гораздо труднее в те дни, когда мы приезжали по месту распределения. До сих пор помню: страшно было войти в учительскую, перед классом я такого страха уже не испытывал.

И еще одно муммовское воспоминание. «Вечерний треп». В.И. рассказывает свои замечательные истории из прошлого и настоящего науки, говорит про свой любимый Херсонес, про людей, открытия,

курьезы... Кроме меня в комнате еще москвич, доцент Сельхозакадемии им. К.А. Тимирязева, который привез в Муммовку на практику своих студентов. В какой-то момент он спрашивает: «В.И., а Вы почему докторскую не защищаете?» Ответ меня поразил: «Потолок свой знать надо. И совесть иметь!» Это Кац-то, великий Кац говорит о каком-то там потолке! А уж про совесть... Эти слова часто вспоминаются в наше время, когда докторов развелось более, чем достаточно, как на Тузике блох, а с научной совестью стало совсем худо...

И есть еще один Кац – Кац лыжных агитпоходов. Из года в год в феврале студенты и молодые преподаватели истфака, дружащие со спортом, отправлялись в лыжный агитпоход по Аткарскому району, выступать с лекциями и концертами. Кто-то подъезжал на попутках, кто-то проделывал путь на лыжах весь путь. В.И. был из числа последних. В 1987 году поход должен закончиться в с. Озерное. Пришел поезд, из него выгрузились несколько студентов, усталые, со сбитыми ногами. «А где В.И.?» - «А он с остальными идет, к вечеру будет, велел учеников в 6 часов в школу собрать». Время к шести. Каца нет. Но – в последний момент, откуда-то с огородов, с совершенно неожиданного направления - В.И., идущий бодрым шагом на лыжах и еле успевающие за ним усталые студенты. И – с места в бой, те, кто не совсем падал с ног, отправились в школу. И эти походы тоже ушли в прошлое вместе со старым истфаком...

Закончить хочется почти мифологически. Было в нашей старой «четверке» заветное место – в подвале, под деревянной, очень крутой и скрипучей лестницей, «каморка Каца». Чего там только не было! Лапти и другие предметы из давно ушедшего быта, горы книг и фотографий, черепки и клейма. И среди этого – владыка каморки, великий Кац. Бесполезно было искать его на кафедре, нужно было отслеживать, открыта ли каморка, есть ли в ней свет. Там вершилось главное. Именно там нужно было искать В.И., чтобы попроситься на практику, там выдавались незадачливым авторам их исчерканные работы, там хранилось все то, что показывали школьникам. Мы не знаем, был ли у этой каморки свой Золотой ключик, и когда и где нашел этот ключик В.И. Но что через эту каморку для многих шел путь – в школу ли, в науку ли, - это точно.